

Когда они вновь приехали в санаторий «Берлин» и начали подниматься по широким каменным ступеням, Хань Цзин нервничал еще сильнее, чем в прошлый раз. Морис уже всю ощущал тяготы беременности. Время от времени он невольно прижимал ладонь к ноющей пояснице, но врожденная гордость не позволяла ему принять помощь — он упорно отказывался опереться на руку Хань Цзина.

Миновав просторный вестибюль и обогнув внутренний дворик с садом в европейском стиле, они подошли к корпусу D. Палата генерала Гранта располагалась на самом верхнем этаже.

— Пожалуйста, не сердись на него, — мягко и тихо заговорил Хань Цзин, вновь возвращаясь к тому, на чем настаивал прежде. — Пусть твой отец выплеснет на меня всю злость, ответит душу. Думаю, в конце концов он все же благословит наш брак.

— Хорошо, я обещаю, — негромко отозвался Морис. — Но и ты пообещай мне кое-что: не смей безропотно подставляться под удары, как в прошлый раз. Наша свадьба касается только нас двоих, у отца нет права вмешиваться.

Внезапно военная бдительность заставила его насторожиться — Морис почувствовал на себе чьи-то нескромные, оценивающие взгляды. Он резко обернулся. Его сапфировые глаза сверкнули ледяной стужей, когда он столкнулся взглядом с дежурными медсестрами, украдкой разглядывавшими его.

Лицо Мориса оставалось бесстрастной маской; какие бы бури ни бушевали в его душе, внешне он не выдал себя ни единым мускулом. Зато медсестры, ошеломленные этим тяжелым, властным взглядом, тут же смущенно опустили глаза, не смея больше смотреть на него.

— Доложите генералу Гранту, что прибыл генерал Морис, — холодно и бесстрастно произнес он, подойдя к стойке регистрации.

Морис не стал тратить время на препирательства с девчонками, но в его тоне прозвучала привычная сталь.

Одна из медсестер несмело подняла голову. Глядя на его точеное, словно высеченное из прозрачного льда лицо, на котором не отражалось ни тени гнева, она вдруг почувствовала, как у нее предательски задрожали руки. Накатила волна безотчетного страха. Потребовалось несколько секунд, чтобы вернуть самообладание. Натянув вежливую улыбку, девушка пролепетала:

— Генерал Грант предупредил нас о вашем визите. Пожалуйста, следуйте за мной.

Она снова потупилась, боясь даже вздохнуть поглубже. Слухи, циркулирующие о генерале Морисе, совершенно не вязались с реальностью. От этого человека исходило мощное, подавляющее величие, а его пронизательный, пугающе спокойный взгляд, казалось, видел ее насквозь.

— Генерал Грант отдыхает в палате, — сказала медсестра, отключая коммуникатор. — Присядьте пока здесь, я уже сообщила о вашем приходе его специальной сиделке Авили.

Она принесла гостям тарелку со свежими фруктами и две чашки горячего кофе. Только когда Морис слегка кивнул, позволяя ей уйти, девушка наконец облегченно вздохнула и поспешила скрыться.

Они остались в просторной гостиной площадью около пятидесяти квадратных метров, больше похожей на висячий сад. Пол из натурального массива дерева, дорогая кожаная мебель, благоухающие кусты роз и китайских яблонь по периметру. Под навесом покачивались две клетки с пестрыми птицами неизвестной Хань Цзину породы, которые заливались звонкими, ласкающими слух трелями. Панорамное остекление открывало захватывающий вид на раскинувшуюся внизу долину: отсюда, как на ладони, были видны величественные очертания гор и раскинувшийся на сотни акров парк в классическом европейском стиле.

Эта гостиная служила лишь преддверием к жилым покоям. Роскошная, утопающая в зелени палата напоминала скорее элитный пентхаус, нежели больничные стены.

Хань Цзин сидел у окна, бездумно всматриваясь в расстилающийся вдали цветочный ковер. Кофе в его чашке уже остыл — он сделал лишь пару глотков. Сердце предательски сжималось от нарастающей тревоги. Роскошь, окружавшая его, принадлежала миру, к которому он никогда не стремился и не имел никакого отношения. Оказаться здесь, лицом к лицу с суровой реальностью чужого сословия, было тяжелым испытанием. Подобный союз со стороны казался пределом мечтаний, вызывал зависть и шепотки за спиной, но никто даже не пытался понять, какую ношу взвалил на свои плечи Хань Цзин.

Услышав приближающийся стук трости, Хань Цзин мгновенно поднялся на ноги. Даже Морис почувствовал, в каком сильном напряжении замер его возлюбленный.

— Отец, — негромко произнес вставший Морис.

Генерал Грант шел с угрюмым, потемневшим лицом. Он резко, точно командир перед подчиненной, отдавал распоряжения своей специальной сиделке.

— Сделай так, как я сказал, Авили.

— Хорошо, господин генерал. Позвольте мне помочь вам дойти до...

— Не нужно! — жестко оборвал ее старик. Из его сухопарой фигуры, из самого взгляда сочилось непреклонное упрямство. Пройгнорировав приветствие сына, он медленно доковылял до кресла напротив и тяжело опустился на центральное место дивана.

Его изрезанное глубокими морщинами лицо застыло в суровом выражении. Грант сидел молча,

опершись обеими руками на набалдашник трости. В комнате повисла тяжелая тишина.

— Господин генерал, — Хань Цзин первым решился нарушить молчание, осторожно протягивая упакованный подарок. — Позвольте преподнести вам это. Кордицепс китайский — знаменитое восточное средство, известное уже несколько тысяч лет. Оно прекрасно укрепляет организм, его очень просто заваривать и пить вместо чая.

— Мои кости еще достаточно крепки, и я вовсе не немощный старик, за которого ты меня принимаешь! Не нужны мне ваши восточные снадобья! — безжалостно отрезал Грант. — К тому же, то, как ты ко мне обратился, режет мне слух!

— Отец! — не выдержав такой грубости, Морис нахмурился, собираясь заступиться за любимого.

Хань Цзин крепко сжал ладонь Мориса, призывая к спокойствию. Но не успел он сказать ни слова, как генерал Грант властно прервал их обоих.

— Замолчи! Я не желаю сейчас слушать твои оправдания! Как ты посмел заговорить о браке без моего согласия? Решил свести меня в могилу?!

— Простите, в этом нет вины Мориса, — поспешно заговорил Хань Цзин, стремясь увести удар от возлюбленного. — Мои родственники слишком торопили нас, я проявил непростительное легкомыслие.

— Твои родственники? — презрительно фыркнул старик. — Именно из-за твоих ненаглядных родственников эти грязные сплетни расползлись повсюду. И твой дражайший отец приложил к этому руку!

— Что?.. — Хань Цзин изменился в лице. Попытка принять всю вину на себя обернулась сокрушительным ударом, на который у него не нашлось ответа.

— Отец, ты говоришь это лишь под влиянием гнева, — твердо произнес Морис, заслоняя Хань Цзина. — Ты и сам прекрасно понимаешь, что его семья не имеет отношения к этой лавине слухов. Наш брак — единственный способ разом прекратить все грязные пересуды.

Эти резкие, бьющие точно в цель слова заставили генерала помрачнеть.

— Жениться?! Жениться?! — Грант глухо зарычал от бессильной ярости и досады. — Если бы не вмешательство Атлантиды, я бы даже на порог его не пустил! А ты теперь слепо защищаешь этого никчемного мальчишку?!

Морис нахмурился, уловив в ярости отца едва заметную уступку, и промолчал, не желая обострять спор.

Генерал долго молчал, ведя тяжелую внутреннюю борьбу с собственной гордыней, обидой и злостью. Наконец он озвучил решение, которое вынашивал последние несколько дней. Старик вскинул голову. Его не до конца восстановившиеся после болезни глаза смотрели тяжело и колюче, заставляя Хань Цзина внутренне содрогнуться.

— Я долго взвешивал все «за» и «против», — медленно заговорил Грант, беря себя в руки, однако в каждом его слове сквозила непреклонная воля высокопоставленного офицера. — Ты мне глубоко несимпатичен. Но раз уж ситуация зашла так далеко, ради будущего Мориса я готов пойти на компромисс. Если ты хочешь войти в нашу семью, тебе придется безоговорочно принять традиции дома Норман. Ни ты, ни твои родственники не смеете бросать тень на наше имя. Запомни: если случится хоть один скандал, я уничтожу тебя, и даже Морис не сможет тебя защитить.

Хань Цзин вскинулся было, чтобы возразить, но старик властно осадил его:

— Помолчи и выслушай до конца. Когда ребенок родится, он станет продолжателем рода Норман — мой внук унаследует наше имя. Что же касается тебя, то ты примешь фамилию своего супруга.

— Что такое? Не согласен? — с ядовитой усмешкой спросил Грант, заметив замешательство Хань Цзина. — А как же твоя великая любовь, о которой вы твердили? Морис ради тебя прошел через унижения и позор, а ты не способен пожертвовать даже такой малостью? Если так, то грош цена твоим чувствам. Нам стоит заново обсудить этот брак.

— Нет, дело вовсе не в этом! — воскликнул Хань Цзин, крепко сжимая руку Мориса и стараясь опередить его ответ. — Я знаю, сколько страданий выпало на долю Мориса, и наш будущий ребенок безоговорочно запишется под фамилией Норман. Но... я единственный сын в семье. Мои родители никогда не одобряют смену фамилии, и я обязан уважать их чувства. Разве современные законы не позволяют супругам сохранять свои добрачные фамилии?

Хань Цзин шел на любые уступки ради любимого, но когда старик попытался переступить через его сыновний долг, взгляд молодого человека стал твердым, а в голосе прозвучала мягкая, но несокрушимая решимость.

— Отец, Хань Цзин — мужчина! — резко вмешался Морис, не в силах больше терпеть издевательства.

— Именно потому, что он мужчина, ты и оказался в таком постыдном положении! — рявкнул старик, едва сдерживая ярость.

Грант привык к беспрекословному подчинению. Никто во всей Империи не смел перечить ему, кроме собственного сына. Ради Мориса генералу приходилось наступать на горло собственной гордости, терпеть и уступать, из-за чего он раз за разом терял самообладание, забывая о своем хваленем ледяном спокойствии.

— Предложение взять нашу фамилию — это величайшая милость с моей стороны! — жестко продолжил Грант. — Тысячи людей отдали бы все ради чести называться Норманами! Раз отказываешься сейчас, то больше никогда не получишь этого права. Что касается самой свадьбы: никакого шума, все должно пройти максимально скромно. Из-за вас имя нашего рода и так втоптали в грязь, и я не допущу новой волны позорных слухов!

— Мы устроим все так, как вы желаете, — покорно ответил Хань Цзин, смиряя гордость перед лицом непреклонного величия старика. — Единственное, чего бы нам хотелось — это присутствия самых близких людей с обеих сторон.

Однако генерал даже не подумал смягчиться. Вместо этого он выплюнул слова, полные ледяного презрения:

— Если бы не проклятые атланты, я бы никогда не благословил этот позор! Я не приду на вашу церемонию. То, что я снизошел до разговора с тобой — это предел моего терпения!

— Прости меня... — прошептал Морис.

В его сапфировых глазах растаял привычный холод, уступив место нежной, щемящей грусти. Он ласково вглядывался в лицо Хань Цзина — своего единственного, ради которого был готов на все.

Визит в санаторий «Берлин» оставил горький осадок. Если бы не бесконечное терпение Хань Цзина, старик никогда бы не дал согласия на их союз. Юноше пришлось принести немало жертв: под градом издевательских упреков он сумел отстоять право сохранить свою фамилию, однако судьба будущего ребенка была решена. Ради спокойствия Мориса Хань Цзин даже не стал приглашать на церемонию собственных родителей.

Морис остро чувствовал вину перед любимым. Нежность, благодарность и раскаяние переполняли его сдержанную натуру, заставляя вновь тихо повторить:

— Прости...

— Пожалуйста, не нужно этих слов, — с теплой улыбкой прервал его Хань Цзин. Весеннее солнце, ворвавшееся сквозь окна комнаты отдыха, мягко осветило его красивое, озаренное любовью лицо. — С этого дня между нами нет места извинениям. Отныне мы — единое целое. Моя радость — твоя радость, твоя боль — моя боль. Давай же рука об руку пройдем этот путь до самой старости.

Хань Цзин крепко переплел свои пальцы с пальцами Мориса. Их чувства, словно ветви древнего плюща, навечно сковали двоих влюбленных, замерших в безмолвном единении.

Тихий стук в дверь нарушил воцарившееся уединение. В проеме показался Марко. Свои длинные золотистые волосы он на этот раз собрал в аккуратный хвост, явно не желая затмевать главного виновника торжества — Мориса.

— Ну что, вы готовы? — с улыбкой спросил он. — Нотариус уже прибыл.

— Идем. Спасибо тебе, Марко, — искренне отозвался Морис, так и не выпустив ладонь Хань Цзина из своей руки.

В двадцать четвертом веке традиционная вера давно превратилась в архаизм, став для большинства лишь необязательной психологической опорой. Но Марко, будучи убежденным христианином, без колебаний согласился стать свидетелем на их скромной свадьбе. Морис безмерно дорожил этой преданной дружбой, связывавшей их с самых юных лет.

В двадцать четвертом веке служба регистрации браков стала куда более гибкой, предлагая молодоженам обряды на любой вкус в соответствии с традициями самых разных народов Земли. Прямо перед ними сочеталась браком индийская пара: хотя сама юридическая процедура сократилась в сотни раз, зал ломился от нарядных гостей, распевавших песни под зажигательные ритмы. На этом шумном праздничном фоне появление Хань Цзина и Мориса выглядело подчеркнуто тихим и уединенным.

Опасаясь неловкости и лишних расспросов из-за отсутствия генерала Гранта, Хань Цзин решил поберечь чувства своих близких. Он соврал родителям, сказав, что они с Морисом решили расписаться во время свадебного путешествия. По телефону госпожа Хань немного поворчала, но, зная о непростом положении Мориса, не стала настаивать на пышном торжестве.

Чтобы избежать излишней шумихи, церемонию решено было провести без лишних глаз. Со стороны Мориса присутствовал лишь Марко, кандидатура которого не вызвала возражений у старого генерала. Хань Цзин очень хотел пригласить Гленна, своего самого близкого старшего сокурсника, но тот совсем недавно родил, и в итоге единственным гостем на их свадьбе оказался Марко.

Впрочем, скромность обстановки ничуть не умаляла их счастья. Они шли, крепко держась за руки, и разомкнули пальцы только перед алтарем нотариуса.

Обряд решено было провести по западному образцу — простому, но глубоко символичному.

Пожилой нотариус с доброжелательным любопытством окинул взглядом округлившийся живот Мориса и тепло улыбнулся. Его мягкий, звучный голос эхом разнесся под сводами зала:

— Согласно закону и вековой традиции, измененной под стать нашему времени, я должен

задать вам обоим один важный вопрос. Прошу вас дослушать его до конца.

— Хань Цзин, согласен ли ты взять Мориса в законные супруги, чтобы любить его, как самого себя, поддерживать и утешать, уважать и защищать в богатстве и в бедности, в горе и в радости, в болезни и в здравии? Обещаешь ли ты хранить ему верность и делить с ним жизненный путь, пока смерть не разлучит вас?

— Согласен, — сдерживая волнение в дрогнувшем голосе, ответил Хань Цзин, после чего горячо добавил: — Я буду любить его больше собственной жизни.

Нотариус понимающе улыбнулся и перевел взгляд на Мориса, на чьих губах от этих искренних слов заиграла едва заметная нежная улыбка.

— Морис, согласен ли ты взять Хань Цзина в законные супруги, чтобы любить его, как самого себя, поддерживать и утешать, уважать и защищать в богатстве и в бедности, в горе и в радости, в болезни и в здравии? Обещаешь ли ты хранить ему верность и делить с ним жизненный путь, пока смерть не разлучит вас?

— Согласен, — ровно и уверенно произнес Морис, но в его обычно строгом голосе прозвучали нотки такой безграничной нежности, каких Марко не слышал никогда прежде.

— Теперь прошу вас обменяться обручальными кольцами, — произнес нотариус. — Пусть эти кольца станут символом вашей верности. Золото в них означает, что вы вручаете друг другу самое бесценное, что у вас есть — вашу любовь. Благородная платина, неподвластная ржавчине и времени, олицетворяет вечность ваших чувств. А их замкнутая окружность говорит о том, что отныне ваша связь не имеет конца и никогда не прервется.

Марко стоял чуть поодаль. В его прозрачных изумрудных глазах затаилась глубокая, светлая грусть. Он не отрываясь смотрел на молодоженов, замирая от того, какой теплой, искренней радостью светилось лицо Мориса. Хань Цзин и Морис надели друг другу кольца и крепко обнялись, светясь безграничным счастьем.

Марко улыбался, но его взгляд на мгновение дрогнул, когда он услышал их ответные клятвы.

— Морис, я беру тебя в спутники жизни, — произнес Хань Цзин, сжав его ладони. Повторяя слова за нотариусом, он смотрел на Мориса с бесконечной преданностью, и его звонкий голос разносился под высокими сводами зала. — Клянусь любить тебя и оберегать, уважать и хранить верность и в радости, и в горе, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока бьется мое сердце.

Морис крепче сжал его руку и ответил уверенно, глубоко и отчетливо:

— Хань Цзин, я беру тебя в спутники жизни. Клянусь любить тебя вечно, оберегать, как

собственную душу, уважать твою волю и хранить тебе верность в богатстве и в бедности, в здравии и в болезни, до самого последнего моего вздоха.

— Пожалуйста, скрепите ваш союз подписями, — нотариус протянул им официальный документ. — С этой секунды вы объявляетесь законными супругами.

Они синхронным, выверенным жестом взяли ручки и оставили свои подписи рядом. А затем, отбросив всякое стеснение перед посторонними, поддались порыву чистой, пьянящей нежности и вновь заключили друг друга в тесные объятия.

Золотистые весенние лучи, струившиеся из высоких окон, окутали их теплым ореолом, соединяя их силуэты в единое целое.

— Поздравляю, — с улыбкой подошел к ним Марко. — Будь счастлив, Морис.

Морис вздрогнул, отпустил Хань Цзина и мягко улыбнулся:

— Спасибо тебе, Марко.

Он открыто раскинул руки и обнял друга так крепко и искренне, как они обнимались лишь в далеком детстве. Подобной душевной близости между ними не было уже очень давно.

— Спасибо за все, — тихо повторил Морис.

Марко на мгновение замер, а затем сжал Мориса в ответных дружеских объятиях и тихо произнес:

— Пообещай мне, что будешь счастлив...

Затем он перевел взгляд на Хань Цзина, и хотя на его губах играла улыбка, в глазах блеснула привычная сталь:

— Если ты посмеешь хоть раз обидеть его, я спрошу с тебя лично.

Хань Цзин рассмеялся:

— Не сомневайся. Я сделаю все, чтобы Морис был счастлив. И спасибо тебе за заступничество перед генералом. Без твоей помощи он бы так быстро не сдался.

— Я просто хочу, чтобы он обрел покой... — Марко покачал головой и достал из кармана портативную камеру с автофокусом. — Давайте выйдем на улицу, я сделаю несколько снимков

на память.

Морис ласково сжал ладонь мужа и негромко заметил:

— Соглашайся. Марко фотографирует великолепно, у него настоящий талант.

<http://bllate.org/book/19677/2006479>